

без звуков сладких и молитв. Он любит, но, боюсь, еще не понимает, что Джульетта встречается только раз в жизни и не только в его жизни, но и в нашей, ему просто-напросто посчастливилось и, видит бог, напрасно. Любовь его и добродетельная, и рыцарская, и самоотверженная, и прочее, и прочее, но нет здесь той напиль безумия, которая является «рациональным зерном», из какого вырастает весь этот образ. Правда, в дальнейшем актер спохватывается — что имеем не храним! — и пытаются наверстать упущенное, но, увы, — поздно.

На втором спектакле, показанном англичанами, на «Двенадцатой ночи», я впервые полностью оценил юмор этой знаменитой комедии, особый вкус и обаяние этого юмора именно потому, что это — английский юмор, переданный английскими актерами, природный юмор англичан, который даже как юмор сам по себе воспринимается лучше благодаря своему национальному колориту. Кого мы поставили бы в центре внимания, — это гостю самого театра итальянскую художницу Лилу де Нобили.

Шекспир в этой комедии не только поощряет, он обзывает всех фантазировать и сам, не дожидаясь, подает этому пример. Нобили доверилась Шекспиру, пожалуй, больше других участников спектакля, обнаружив массу фантазии и бездну остроумия даже в самом выборе красок, в колорите, в композиции, сочетая привольное воображение и юмор. Она проникает во все закоулки комедии, охватывая ее со всех сторон, и без ее беспрерывного комментария просто невозможно, да и не хочется слушать монологи и диалоги.

Прекрасно ухватил шекспировский дух молодой режиссер Питер Холл — цельность и органичность комедии удивительны. Режиссер словно предоставляет комедию своей воле, пусть-де идет туда, куда ей заблагорассудится, он только чуть-чуть поглубже, чтоб она не слишком выходила за пределы меры и вкуса.

Подобный характер постановки служит ее идейному замыслу — волюнтаризм, самобытность человеческого духа противостоят мрачности и тупости Мальволио, который на всякое проявление человеческой жизнедеятельности и человеческого устремления собирается наложить свою мертвую руку. Режиссер и актер Марк Дигнэм не занимались мелочным изобретательством шутки, чтоб так или иначе, по «разоблачить» героя. Нет, они дают ему возможность полностью проявить свой нрав так, как это ему самому хочется, и тут-то он попадает в ловушку, ибо, чем он серьезнее, тем смешнее, чем он более важен, тем более ничтожен, чем он самоувереннее, тем невежественнее, — и вот вокруг этой неподвижной оси вертится и пенится карнавал жизни.

Что касается «Гамлета», то, честно говоря, мы ожидали большего. Впрочем, ведь после почти любого «Гамлета» мы можем сказать, что ожидали большего — испокон веку зритель вкладывал в этот образ свои затаенные думы, и то, с чем он не мог примириться, и то, на что уповал, и каждый раз он ждет откровений и открытий — случается, правда, что он бывает разочарован.

Мне могут сказать, и не без основания, что присаженный театр, собственно, и не собирався выступать с какими-нибудь особыми

концепциями «Гамлета» и угадывать, что у меня там на сердце. Его задача более скромная, и не менее достойная — культурно прочесть перед нами великий шедевр и, не мудрствуя лукаво, донести его до нас таким, каким он вышел из-под пера Шекспира. А если уж вас так разоблала охота фантазировать на тему желательного вам Гамлета, то займитесь этим сколько вам угодно, на то театр и представляет вам прочную и неискаженную опору — задача тоже немаловажная, не правда ли? Правда. Мы в самом деле благодарны театру за культурное дело, за внимательное, щепетильное (почти отсутствующее купюры), в известном смысле хрестоматийное представление великой трагедии. Король Клавдий изображен Марком Дигнэмом злодеем, каких мало, от него так и исходит злодейством, откуда нам от этого злодейства не деться — остается только его убить, что Гамлет и делает к превеликому нашему удовольствию.

Королева Гертруда — у Коррел Браун — прекрасна, и в грехе своем прекрасна, прекрасна и в своем покаянии, прекрасна и в величественности, и если бы она даже появилась без короны, которой почти ни разу не снимает, мы и без того поверили бы, что она королева — королева от призраков до туфлей. Положенный у Сирила Ланкэма нечто большее, чем лукавый царедворец, это целый тип — тип обывателя, который «себе на уме», и поэтому проигрывает. Лазарю Эдуарда Вудворда, на наш взгляд, не сколько не хватает темперамента, так же, впрочем, как и всему спектаклю! Лазарь вял, апатичен, часто задумывается, чаще,

пожалуй, чем сам Гамлет. Офелия играет Дороти Тютиня, и этим уже многое сказано — непроизвольность, импульсивность, наивность, удивительная гибкость ее артистической натуры и здесь обратили на себя внимание, хотя в сцене безумия, на наш взгляд, она кладет лишние патологические акценты.

Наконец, Гамлет. Сразу видно, что Майкл Рейдгрейв прекрасный актер с великолепными данными, внешними и внутренними, которыми он владеет мастерски. Это, можно сказать, профессиональный шекспировский актер, и мы охотно верим, что в любой шекспировской пьесе он чувствует себя как дома. Даже о его образе нельзя сказать, что он лишен всякого толкования, — Гамлет — такая фигура, что исполнителю, хочет он или не хочет, поневоле дает ему свое толкование, и оно становится видным даже через голову актера.

У Рейдгрейва Гамлет уже не юноша, это мужчина в расцвете сил, человек серьезный, как говорит, подождавший, даже практический, в лучшем смысле этого слова, и пресловутая меланхолия ему просто не к лицу. Он человек, и ничто человеческое ему не чуждо, правда, в общепринятых пределах. Ему свойственны и справедливы гнев, и трезвость, но и чувствительность, и спокоевство — это во всяком случае, — но и мысль, за которой он охотно следует, хотя и не слишком сепит, и порыв доброго сердца, и страсть.

И вот в качестве такого нормального человека, человека, как все, он оказывается в обстоятельствах, в которые попал Гамлет, и ведет себя так как Гамлет, не уклоняясь от предначер-

танный автором стези, однако в полном согласии со своей натурой, — вот, мол, как должен вести себя каждый из нас, очутившись он в положении Гамлета. Он, стало быть, предпочитает это нормальное русло и если порой выходит из его пределы, то, во-первых, не слишком далеко, а во-вторых, и там, вне русла, он находится на должном «уровне», и даже во время своего сумасшествия он, так сказать, не теряет головы.

Я не сказал бы, что дела всего мира, человечества, прошлого и будущего, жизни и смерти захватывают его до конца, хотя, конечно, не безразличны ему — в сцене с черепом Норрика, например, он больше отдает долг печали человеку, которого он помнит, и меньше мыслям, которые вызывает у Гамлета безмолвная голова некогда жизнерадостного человека. Актер достойно играет роль достойного человека и словно бы хочет сказать нам, что во всех случаях жизни надо оставаться порядочным человеком, — не делать из этого мирового события, а следовать этому, как чему-то само собой разумеющемуся, быть благодарным человеком, вести себя как должный человек. Что же, это — мысль, и не худшая, однако для Гамлета, пожалуй, маловато...

Гастроли Стратфордского театра закончились. Последнее Шекспира в деле взаимопонимания и дружбы народов всегда играло большую роль, а после его дружественного визита с берегов родного Эйвона на берега Москвы-реки эта роль выросла еще больше, и нам остается только пожелать, в заключение, чтоб ничто не мешало Шекспиру выносить его благородную миссию.